



Вика Харгривз

Мезду сйрөк



STEREO

Вика Харгривз

Между строк

<https://litres.ru/74284713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять историй о тех, кто прячется за книгами, кодом и детской дружбой.

О тех, кто годами боится сказать три слова — и терпеливо ждёт.

А потом кто-то просто наливает чай вместо кофе, клеивает стикер в книгу или шепчет: «Я рядом».

И всё, что молчало годами, наконец звучит. Тихо. По-настоящему. Навсегда.

Содержание

Моя лучшая глава	4
Двенадцать лет рядом	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Между строк

*Посвящаю тем, кто верит в любовь,
кто знает как она прекрасна и верит, что она
навсегда остается
в наших сердцах
А также посвящаю их моей любви
Вика Харгривз*

Моя лучшая глава

Dangerous Woman — Ариана Гранде

Дверь хлопнула так сильно, что на полке задрожала старая коллекция «Мастера и Маргариты». Агата сидела на краю дивана, сжимая в руках томик Рэя Брэдбери, и всё ещё не могла поверить, что только что произошло.

Всего десять минут назад Денис, с которым она встречалась последний месяц, стоял в центре ее уютной гостиной и с выражением крайнего возмущения смотрел на ее стеллажи.

— Ты серьезно? — его голос тогда звучал так, будто она предложила ему съесть лягушку. — Ты собираешься сидеть в этом свитере и читать, пока я жду? Мы же договаривались поехать на вечеринку к Максусу!

— Денис, я же сказала, что мне нужно всего полчаса, чтобы дочитать главу, — спокойно ответила она, не отрывая

взгляда от страницы. — Это увлекательно, я не могу бросить на самом интересном месте.

— Полчаса! — он нервно провел рукой по волосам, начиная раздражаться. — Агата, ты вечно в этих своих книгах. С тобой невозможно просто общаться. Ты вечно где-то далеко, в своих выдуманных мирах. Мне это надоело.

— Я просто читаю, Денис. Это мое хобби. Я не «каких-то» выдуманных мирах, я просто умею отдыхать таким образом, — она наконец подняла глаза, надеясь, что он поймет и успокоится.

Но он только фыркнул, скрестив руки на груди. — Хобби... У нормальных девушек хобби — это шоппинг, йога или коктейли в баре. А ты... ты просто зануда. Скучная, предсказуемая зануда. Я не могу встречаться с девушкой, которая считает бумажные кирпичи интереснее своего парня.

— То есть ты бросаешь меня из-за книги? — в ее голосе прорезалось искреннее недоверие.

— Я бросаю тебя, потому что ты не умеешь быть спонтанной и живой, — он схватил свою куртку с вешалки. — Мне нужна искра, Агата. А от тебя веет нафталином и пылью. Удачи в твоей библиотеке.



За окном моросил мелкий летний и прохладный дождь, создавая идеальный фон для того, чтобы пойти прогуляться. Но вместо этого Агата нервно расхаживала по своей квартире, заставленной стеллажами с книгами, и сжимала в руке телефон.

— Черт! Он меня бросил, потому что его не устраивала моя любовь к чтению, Лив, — выпалила она в трубку, спотыкаясь о стопку новых поступлений. — Он просто не любит читающих девушек. Считает их занудами, представляешь? Ему, видите ли, нужна «искра в глазах», а не «критическое мышление»!

На другом конце провода раздался мелодичный, ни капли не сочувствующий смешок Оливии.

— Сплошные придурки вокруг тебя, Агата. Я же говорила, что его аура пахнет дешевым одеколоном и эгоцентризмом.

— Мне обидно, вообще-то! Я столько времени потратила на него, — надулась Агата, падая спиной на мягкую оттоманку и глядя в потолок.

— Месяц прошел, — бесстрастно констатировала Лив.

— Целый месяц!! — возмутилась Агата. — За месяц можно выучить физику!

— Так он вроде сразу вызвал сомнения, нет что ли? — удивленно спросила Оливия. — Вспомни, как ты после второго свидания сомневалась, стоит ли он того, чтобы делить с ним пиццу.

Агата вздохнула, поправляя выбившуюся прядь.

— Мы познакомились в книжном, Лив. Я увидела, как он листает Достоевского, и подумала: «О, наконец-то, родная душа, он тоже любит книги». А оказалось, ему просто надо было помочь его подружке купить подарок на день рождения.

— Что еще за подружка? — тон Оливии мгновенно стал детективным.

— Его лучшая подруга. Которая дает ему советы по жизни, по работе и, видимо, по отношениям. И угадай, кто помог ему со мной расстаться, написав ему целый трактат о том, что я «слишком глубокая и сложная для его легкого вайба»?

— Явно эта подружка.

— Бинго. Правильно. Некая Кристина, которая считает, что все женщины делятся на «интересных» и «книжных червей».

— Ужас, — протянула Лив. — Вот это у тебя страсти, конечно. Настоящий мыльный сериал. Слушай, мне надо бежать, а то мы с Яном в кафешку хотели сходить, столик уже

забронирован.

Агата замерла. Имя брата подруги заставило ее сердце предательски екнуть.

— Повезло тебе с братом, — ровным, слишком ровным голосом произнесла она. — Он с тобой время проводит.

— Чья бы корова мычала, — хмыкнула Лив. — Хочешь с нами?

— А Ян не против?

— Он сегодня в хорошем настроении, как никак универ закончил. Диплом получил, гуляем!

— А, точно, как я могла забыть. Скинь тогда адрес, а я побегу собираться.

— Щас скину, тогда не прощаюсь!

Как только экран телефона погас, Агата отбросила его на кровать. Вся тоска из-за недавнего расставания с «книжным» парнем испарилась, словно ее и не было. На ее месте возникло совсем другое, волнующее чувство.

Она подошла к зеркалу в прихожей. Ей нужно было выглядеть безупречно. Не вызывающе, нет. Элегантно, умно, но с той самой легкой женственностью, которой ей так не хватало в школьные годы.

Агата рывком открыла шкаф. Ей нужен был образ «успешной и загадочной интеллектуалки». Выбор пал на темно-изумрудное платье-миди с высоким воротником-стойкой, которое подчеркивало цвет ее глаз, и сверху — свободный, но структурированный бежевый пиджак. Волосы

она уложила легкими, небрежными локонами, а макияж сделала в стиле «смоки айс», но в мягкой, графитовой гамме.

Пока она наносила последний штрих — каплю парфюма с нотами сандала и ванили на запястья, — в голове всплыли воспоминания. Помнится, года три назад, когда Лив болела, Агата часто приходила к ним домой. Ян тогда готовился к поступлению на архитектора. Он был вечно уставшим, с темными кругами под глазами, но таким родным и теплым. Она приносила ему чай, решала с ним задачи по черчению и слушала, как он рассуждает о пространстве. А в ответ он ей помогал с задачками по физике, которые для нее были такими сложными и непонятными. Она его внимательно слушала и всегда понимала темы, которые он ей так упорно рассказывал на ярких примерах.

Именно тогда она поняла, что начинает влюбляться в старшего брата подруги. Это было глупо, нелепо и абсолютно безнадежно. Испугавшись собственных чувств и неловкости, она сама себе запретила с ним общаться, придумав отговорку, что «так будет лучше для всех». Она просто сбежала, закончив школу, и перестала с ним общаться, сказав «больше помощь его мне не нужна, дальше справлюсь сама».

И вот сейчас у нее появилась небольшая, но такая важная цель. Закрыть этот детский гештальт. Получить от него взгляд не как от «старшего брата подруги», а как от мужчины. Хотя бы один комплимент, чтобы доказать себе, что она выросла и стала той самой женщиной, от которой перехва-

тывает дыхание.

Кафе «Терраса» оказалось уютным местом с панорамными окнами, приглушенным джазом и запахом корицы и свежей выпечки. Агата вошла, стряхивая капли дождя с зонта, и сразу увидела их. Лив, махала ей рукой из глубокого кожаного дивана в дальнем углу.

Но взгляд Агаты, конечно же, приковал Ян. Он сидел напротив сестры. Он сильно изменился за эти годы. Исчезла подростковая угловатость. Перед ней сидел уверенный в себе мужчина в простой, но отлично сидящей темно-синей водолазке и часах на запястье. Его темные волосы были чуть длиннее, чем она помнила, а в глазах плясали чертики.

— О, спасительница! — Лив вскочила, чтобы обнять подругу. — Я уже думала, ты передумала и ушла читать томик Гюго.

— Только если в оригинале, — улыбнулась Агата, чувствуя, как щеки слегка розовеют.

Она перевела взгляд на Яна. Он тоже поднялся. В его взгляде она на мгновение уловила ту самую теплоту, которую запомнила со школы, но теперь она была приправлена чем-то новым. Оценивающим. Мужским.

— Привет, Агата, — его голос стал ниже, глубже. — Давно не виделись. Рад, что ты составила нам компанию.

— Привет, Ян. Поздравляю с получением дипломом, — она протянула ему руку, но он мягко перехватил ее, притягивая на секунду ближе для объятия. От него пахло кофе, до-

ждем и каким-то дорогим, терпким парфюмом. Сердце Агаты пропустило удар. Так, только дышать ровно, приказала она себе.

Они сели. Лив, обиженно надула щеки, но в этот момент её телефон издал громкую, отвлекающую трель. Глянув на экран, она тут же подскочила на месте.

— Ой, это мама! Ей срочно нужно, чтобы я скинула ей выкройку какого-то платья, иначе она меня убьёт. Я на улицу выйду, там связь лучше, — выпалила она, уже на ходу хватая сумочку. — Вы тут посидите, поскучайте без меня!

Дверь кафе за её спиной закрылась, и за их столиком повисла тишина, нарушаемая лишь тихим джазом и стуком колес проезжающих по мокрому асфальту машин.

Ян тяжело вздохнул, проводя рукой по волосам, и его напряженный вид мгновенно сменился на мягкую, почти виноватую улыбку. Он посмотрел на Агату, и в его глазах больше не было того легкого раздражения, которое он адресовал сестре.

— Прости за резкость, — тихо сказал он. — Я не на тебя. Просто... меня это всё время задевало.

Агата нервно сжала пальцы вокруг теплой чашки.

— Я понимаю.

— Хватит понимать, — Ян вдруг встал, протягивая ей руку. — Пойдем. Сидеть в душном помещении, когда на улице так здорово пахнет после дождя, — это преступление. И нам нужно поговорить. Без Лив, без чизкейков и без недомолвок.

Агата вложила свою ладонь в его. Его пальцы были теплыми и шершавыми, и от этого простого прикосновения по коже пробежали приятные мурашки. Они вышли из кафе. Летний ливень давно закончился, оставив после себя свежесть, звонкую капель с козырьков и отражения городских огней в лужах. Воздух был напоен ароматом мокрой листвы и озона.

Ян шел рядом, слегка прижимая её к себе, чтобы случайные брызги с веток не попали на её платье. Они свернули в тихий, уютный сквер, где старые липы сплетались кронами над их головами.

— Ну, — начал Ян, останавливаясь под светом старинного фонаря. Он повернулся к ней, и его взгляд стал серьезным, пронзительным. — Ты три года назад заявила, что «справишься сама по физике и вообще». И исчезла. Перестала приходить, перестала отвечать на сообщения, просто исчезла. Агата, ты учила законы термодинамики на отлично. Объясни мне, как в твоей голове сработала такая нелогичная и по-детски глупая стратегия избегания?

Агата опустила взгляд на мокрый асфальт, чувствуя, как к горлу подступает ком. Ей хотелось соврать, отшутиться, сказать, что просто закрутилась в учебе. Но, глядя на его искреннее, немного раненое лицо, она поняла, что больше не хочет прятаться.

— Потому что я не могла больше притворяться, — выдохнула она, наконец поднимая на него глаза. В них блестели непролитые слезы. — Я сказала, что справлюсь сама, потому

что боялась.

— Чего? — его голос стал совсем мягким, почти шепотом.

— Тебя, — честно призналась Агата, чувствуя, как щеки пылают. — Я влюбилась в тебя, Ян. Еще тогда, в десятом классе. Когда ты терпеливо объяснял мне векторы, рисуя их на салфетках. Когда приносил мне чай, зная, что я не люблю холодные руки. Я была глупой, влюбленной девчонкой, которая смотрела на старшего брата своей лучшей подруги. Я боялась, что, если останусь рядом, я обязательно выдам себя. Что ты согласишься на меня и поймешь, насколько это нелепо. Поэтому я придумала эту дурацкую отговорку про физику и сбежала. Я до последнего считала, что такие мелкие девочки, тебе в жизни не нужны.

Она замолчала, ожидая увидеть на его лице жалость, неловкость или, что еще хуже, насмешку. Но Ян молчал.

Тишина растягивалась, становясь почти осязаемой. Агата уже хотела было пожалеть о своей откровенности и шагнуть назад, но Ян вдруг тихо рассмеялся. Это был не насмешливый смех, а теплый, облегченный вздох.

— Дуручка ты, Агата, — он сделал шаг ближе, сокращая между ними расстояние до минимума. — Ты думаешь, я три года ждал, пока ты «справишься сама»?

Агата удивленно моргнула.

— А чего ты ждал?

— Пока ты перестанешь прятаться, — он поднял руку и бережно, почти невесомо убрал влажную прядь волос с её

щеки. Его пальцы на секунду задержались у её скулы, и Агата забыла, как дышать. — Ты правда думаешь, что я не замечал, как ты на меня смотришь? Или как твое сердце начинает биться где-то у горла, когда я случайно касаюсь твоей руки? Я ждал, когда ты сама осознаешь, что я смотрю на тебя точно так же. Но ты сбежала. И мне пришлось ждать еще три года, чтобы ты снова села рядом со мной за чертов столик.

— Ты... ты знал? — прошептала она, широко раскрывая глаза.

— Я архитектор, Агата, — усмехнулся он, его глаза потемнели. — Я умею видеть структуру. И структура наших отношений была очевидна для меня с самого начала. Просто тебе понадобилось время, чтобы достроить фундамент.

Он медленно наклонился ближе. Агата инстинктивно прикрыла глаза, её сердце колотилось так громко, что ей казалось, он обязательно это услышит. Но поцелуй был не таким, как в её книжных фантазиях. Он был настоящим. Мягким, теплым и бесконечно нежным. Ян обнял её за талию, притягивая к себе, а она уткнулась ладонями в его грудь, чувствуя под тонкой тканью водолазки уверенное биение его сердца.

В этот момент вся обида на Дениса, на его глупые упрёки и нелепые претензии, испарилась окончательно. Тот парень хотел, чтобы она была «спонтанной и легкой», не понимая, что её глубина — это и есть её суть. А Ян... Ян не просто принял её глубину. Он построил вокруг неё целый мир, в

котором она чувствовала себя в безопасности.

Когда они наконец отстранились друг от друга, Агата невольно улыбнулась, пряча горящее лицо у него на плече.

— Знаешь, — тихо сказала она, — Денис сегодня назвал меня занудой из-за книг.

Ян фыркнул, целуя её макушку.

— У Дениса проблемы со зрением. Или с интеллектом. А я, между прочим, считаю, что нет ничего привлекательнее девушки, которая может цитировать Брэдбери, запутавшись в собственных мыслях.

— Я не запутывалась, — возмутилась она, но беззлобно, чувствуя, как он усмехается в её волосы.

— Конечно, конечно, — он взял её за руку, переплетая их пальцы, и они медленно пошли дальше по аллее, слушая шорох своих шагов. — Кстати, насчет физики.

— Что насчет неё?

— Если ты действительно думаешь, что справишься сама, — Ян остановился и посмотрел на неё с той самой озорной искринкой, которая так сводила её с ума еще в школе, — то я предлагаю репетитора. Но теперь он будет брать оплату не задачами, а ужинами. И прогулками. И вот такими поцелуями.

Агата рассмеялась, и этот звонкий смех эхом разнесся по мокрому скверу. Детский гештальт не просто закрылся. Он рассыпался в прах, уступая место чему-то взрослому, теплому и невероятно светлому. Она посмотрела на Яна, на капли

дождя, запутавшиеся в его волосах, и поняла: её самая любимая, самая захватывающая книга только что начала свою лучшую главу. И она собиралась читать её с огромным удовольствием.



Спустя месяц

Тот самый дождливый вечер в сквере казался далеким воспоминанием из другой жизни. Сейчас, в мягком золотистом свете закатного солнца, центральный парк города утонул в тепле летнего августа. Воздух пах нагретой хвоей, сладкой пылью и каким-то неуловимым, счастливым запахом свободы.

Агата сидела на деревянных перилах у небольшой аллеи, болтая ногами в белых кедах. В руках она держала потрепанный томик книжки, но читать было совершенно невозможно, потому что её парень, Ян, уже пятую минуту кружил вокруг неё с включенной камерой телефона.

— Агата, ну пожалуйста, хоть один эстетичный кадр, — взмолился он, отходя на пару шагов назад и щурясь от солнца. — Ты же сама говоришь, что у тебя «интеллектуальный

вайб». Дай мне снять эту загадочную, погруженную в мысли девушку, а не ту, которая сейчас снова прячется за книгой и не показывает своей любви.

Агата хитро улыбнулась, краем глаза наблюдая за ним. Как только он нажал на кнопку затвора, она мгновенно подняла книгу так, что из-за её верхнего края торчали только одни смеющиеся зеленые глаза.

— Щелк, — самозабвенно сказал Ян, глядя на экран. — Отлично. А теперь убери книгу, посмотри вдаль, представь, что ты думаешь о вечном...

Но стоило ему снова поднять телефон, как Агата надула щеки и скорчила уморительную гримасу, высунув язык. Ян не выдержал, его плечи затряслись от беззвучного смеха, и телефон в его руке предательски дрогнул.

— Всё, ты неисправима, — он подошел ближе, убирая смартфон в карман джинсов. — Лив была бы в восторге. Она как раз говорила, что вам нужно снять какой-нибудь тренд для соцсетей.

— Я лучше буду читать, — Агата прыгнула с перил и обвила его шею руками, глядя снизу вверх. — А ты будешь меня отвлекать. Это, кстати, отличная идея для видео. Снимай!

Ян с готовностью вытащил телефон, включил фронтальную камеру и начал запись. На экране появилось их отражение: он — высокий, в легкой льняной рубашке с закатанными рукавами, с теплыми, до невозможности любящими глазами; и она — в легком шифоновом платье цвета мяты, с

растрепавшимися от ветра локонами.

— Итак, — торжественно произнес Ян в камеру, — инструкция для тех, кто считает свою девушку слишком занудной. Шаг первый: покупаешь ей книгу.

Он сделал вид, что протягивает ей невидимый томик. Агата подхватила игру, взяла свою реальную книгу и прижала к груди, изображая восторг.

— Шаг второй, — продолжил Ян, его голос стал тише, интимнее, хотя камера всё еще работала. — Ждешь, пока она увлечется чтением.

Агата опустила взгляд на страницу, старательно изображая сосредоточенность, но уголки её губ уже дрогнули в улыбке.

— И шаг третий... — Ян плавно забрал книгу из её рук, отложил на ближайшую скамейку, а сам обнял её за талию, притягивая к себе. — Доказываешь ей, что реальность может быть куда интереснее любой главы.

Он наклонился и поцеловал её — не торопливо, не для камеры, а так, как целовал только её: глубоко, нежно, заставляя мир вокруг на секунду исчезнуть. Агата рассмеялась прямо в его губы, обнимая его за плечи, и видео оборвалось на кадре, где они оба смеются, уткнувшись лбами друг в друга.

— Дубль принят, — прошептал Ян, не размыкая объятий. Его большой палец нежно гладил её талию поверх тонкой ткани платья. — Хотя я бы мог переснимать это бесконечно. Звучит довольно привлекательно.

Агата подняла на него взгляд, и сердце её, как и месяц назад, сделало лишнее движение. За это время они стали неразлучны. Тот нелепый, детский страх быть отвергнутой канул в Лету, растворившись в его заботе, в его терпении и в том восхищении, с которым он на неё смотрел. Денис со своими упреками про «нафталин и пыль» казался сейчас каким-то нереальным персонажем из плохого романа, который она прочитала и с облегчением закрыла навсегда.

Они медленно пошли по аллее, держась за руки. Ян то и дело подносил её ладонь к своим губам, целуя костяшки пальцев, пока они переходили через небольшую деревянную арку, увитую диким виноградом.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, глядя, как солнечные зайчики играют в её волосах, — я сегодня смотрел наши старые архивные альбомы. Там есть фото, где мы с Лив еще школьники. Ужасные прически, глупые улыбки. А потом я наткнулся на кадр, где ты сидишь у нас на кухне над учебником физики. Тебе тогда было семнадцать, ты злилась на эти чертовы вспышки, явления и кусала губу.

Агата смутилась, чувствуя, как к щекам приливает легкий румянец.

— И что? Я выглядела как дура?

— Нет, — Ян остановился и повернул её к себе. Его взгляд был серьезным и невероятно теплым. — Ты выглядела как чудо. Я тогда еще подумал, что, если бы не сестра, я бы ни за что не решился подойти к такой умной и красивой девушке.

Я ждал, когда ты сама посмотришь на меня.

— Я смотрела, — тихо призналась Агата, пряча взгляд.
— Я смотрела на тебя каждый раз, когда ты объяснял мне задачи. Просто ты был слишком увлечен чертежами, чтобы заметить.

— Я еще раз повторю, я архитектор, Агат, — он усмехнулся, убирая выбившуюся прядь за её ухо. — Я замечаю каждую деталь. Я просто ждал, когда ты достроишь свой фундамент, чтобы я мог начать строить наш дом.

От его слов у неё перехватило дыхание. Ян достал телефон, открыл галерею и протянул ей экран. Там было то самое видео, которое они только что сняли, а рядом — десятки фотографий. На одних она смеялась, запрокинув голову, на других — пыталась поймать падающий лист, на третьих — просто смотрела на него с такой любовью, от которой у самой Агаты защипало в глазах.

— Ты видишь себя моими глазами? — спросил он мягко.

Агата кивнула, не в силах произнести ни слова. На неё смотрела не «скучная зануда», не «девушка из библиотеки». На неё смотрела женщина, которая была бесконечно любима, желанна и счастлива.

— Я больше никогда не отдам тебе мою книгу, — вдруг серьезно сказала она, забирая у него телефон и кладя его в свою сумочку. — Пусть теперь твоя главная задача будет не в архитектуре, а в любимой девушке.

Ян изумленно поднял брови, а затем его лицо расплылось

в ослепительной улыбке. Он шагнул к ней, обхватывая её лицо ладонями.

— Слушаюсь, — прошептал он, касаясь её лба своим. — Буду строить нашу жизнь. По кирпичику. По каждому твоему смеху, по каждой прочитанной тобой главе, по каждому нашему прогулке в парке.

Он поцеловал её снова, и этот поцелуй был похож на обещание. Вокруг шумели деревья, где-то вдалеке слышался детский смех и шум города, но для них двоих существовал только этот момент. Момент, в котором не было никаких выдуманных миров, потому что их настоящая реальность оказалась лучше любой, самой фантастической книги.



Они поднялись на третий этаж её дома, и Ян всё ещё не размыкал объятий, пока Агата искала ключи в сумочке. Её пальцы слегка дрожали — не от холода, а от того невероятного, теплого чувства, которое поселилось где-то в районе сердца.

— Ты уверен, что мне лучше зайти первой? — шепнула она, наконец открывая дверь. — Лив может быть там. Она

ключи мне доверила, чтобы я могла просто у нее побыть.

— Уверен, — усмехнулся Ян, заходя следом и мягко закрывая за ними дверь. — Хватит прятаться, Агата. Мы же не маленькие дети, и тем более, ты уже взрослая.

— Мне 18.

— И что? Помни, ты взрослая и прекрасная девушка, — щелкнув по носу, сказал парень.

И в эту секунду, девушка открыла дверь.

Агата щелкнула выключателем в прихожей, и в тот же момент из гостиной донесся звук упавшей на пол книги.

Они застыли. Агата медленно заглянула в гостиную. На её любимой оттоманке, с которой она месяца два назад рыдала из-за Дениса, сидела Оливия. В руках она держала тот самый томик Рэя Брэдбери, который теперь лежал на полу, а в другой — кружка с чаем, из которой чай предательски расплескался на ковёр.

Лив, смотрела на них широко раскрытыми глазами. Её взгляд метался от Яна, чья рука уверенно лежала на талии Агаты, к самой Агате, чьи волосы были растрепаны ветром, а щеки горели ярким румянцем.

— Ян? — голос Лив прозвучал так, будто она только что увидела привидение. — Агата? Что... какого черта здесь делает мой брат? И почему он... почему он держит тебя так, будто ты...

Она осеклась, переводя взгляд на переплетенные пальцы Яна и Агаты. Тишина в квартире стала звенящей. Агата хо-

тела было отдернуть руку и начать бормотать какие-то нелепые оправдания про то, что ему просто нужно было передать привет от мамы, но Ян лишь чуть крепче притянул её к себе и шагнул в свет.

— Привет, Лив, — спокойно и даже с легкой, торжествующей ноткой в голосе произнес он. — Мы как раз хотели тебе позвонить. Но решили, что личный визит будет уместнее.

Лив, моргнула. Один раз. Второй. Её рот приоткрылся, но слова застряли в горле. Она посмотрела на брата, потом на подругу, потом снова на брата. Мозг лучшей подруги и младшей сестры усиленно пытался обработать информацию, которая не укладывалась в картину мира, где Ян — это просто старший брат, который рисует чертежи, а Агата — это «книжная зануда», которую только что бросил какой-то недоумок.

— Вы... — Лив наконец нашла голос, но он сорвался на писк. — Вы вместе?! Мой брат и моя лучшая подруга?! За моей спиной?! В тот самый день, когда я оставила вас в кафе, потому что мама просила гребанную выкройку?!

— Лив, прости, — Агата наконец обрела дар речи, чувствуя, как краснеют даже уши. — Это вышло так внезапно. Мы просто гуляли, и...

— И он признался тебе в любви под фонарем, пока лил дождь? — перебила её Лив, её шок начал стремительно сменяться чем-то другим. Она медленно встала с оттоманки, обходя их вокруг, словно экспонаты в музее.

Она остановилась перед Яном, скрестив руки на груди и прищурившись. Ян выдержал её взгляд, слегка приподняв бровь, но не выпуская Агату из объятий, положив ей свою голову на её макушку.

— Знаете что? — торжественно начала Лив, и уголки её губ начали предательски дрогнуть. — Я в шоке. Я просто в диком шоке. Вы могли бы меня предупредить. Вы могли бы дать мне сердечные капли.

Она сделала паузу, её взгляд упал на то, как Ян бережно, почти незаметно большим пальцем поглаживает талию Агаты, и как сама Агата смотрит на него — так, как Лив никогда раньше не видела, чтобы смотрела её застенчивая подруга.

Внезапно Лив, рассмеялась. Это был громкий, искренний смех, который эхом разнесся по квартире, наполненной книгами.

— Но знаете, что я вам скажу? — Лив подошла к Яну и по-братски хлопнула его по плечу, а затем крепко обняла Агату. — Ян, я всегда подозревала, что ты не дурак. Но чтобы настолько не дурак... Агата — лучшее, что есть в этом доме. Она умная, красивая, и у неё отличная коллекция литературы. Если ты думал, что я буду против, то ты сильно ошибаешься. Но ты, братец, большой молодец. Наконец-то возмужал. Я уж думала, ты так и останешься жить в своих чертежах.

Ян тихо рассмеялся, освобождая одну руку, чтобы растрепать сестре волосы.

— Спасибо, Лив. Я старался. Хотя, признаться, мне пришлось ждать, пока эта упрямица перестанет прятаться от меня целых три года.

— Три года?! — Лив снова округлила глаза, переводя взгляд на Агату. — Агата! Ты три года была в него влюблена и молчала?! Пока я сводила вас в кафе, пока я оставляла вас наедине?! Боже, я гений сватания, я даже не осознавала этого!

— Лив, ты ушла помочь матери, а не помочь нам! — возмутилась Агата, пряча горящее лицо у брата на плече, от чего Ян лишь довольного хмыкнул.

— Ой, да ладно тебе, — отмахнулась подруга, подбирая с пола книгу и стряхивая с неё невидимые пылинки. — Это была судьба. Или, как вы, книжные черви, говорите, сюжетный поворот. Так, ну всё, я пошла, оставлю вас наедине. Но завтра вы оба идёте со мной на ужин, и ты, Ян, подробно расскажешь, как именно ты понял, что наша Агата — та самая. А то я, кажется, пропустила начало этого сериала.

Лив, подмигнула им, схватила свою сумку и, насвистывая какую-то мелодию, выпорхнула из своей же квартиры, оставив их в тишине.

Агата посмотрела на закрывшуюся дверь, а затем перевела взгляд на Яна.

— Кажется, нас благословили, — тихо произнесла она, и в её глазах плясали счастливые искорки.

— Кажется, — Ян наклонился, касаясь её лба своим. —

И знаешь что? Это только начало.

Спустя месяц тот самый вечер с признанием и шоком Лив казался милым воспоминанием, с которого началась их новая, невероятно счастливая реальность. Теперь, в мягком золотистом свете закатного солнца, центральный парк города утопал в тепле осеннего времени. Воздух пах нагретой хвоей, листьями деревьев и запахом свободы.

Агата сидела на деревянных перилах у небольшой аллеи, болтая ногами в белых кедах. В руках она держала потрепанный томик Брэдбери, но читать было совершенно невозможно, потому что её парень, Ян, уже пятую минуту кружил вокруг неё с включенной камерой телефона, снимая их глупые, но такие милые видосы, которые они потом пересматривали вечерами, смеясь до слез. Их история, начавшаяся с разбитого сердца и детской обиды, оказалась самым увлекательным романом, который Агата когда-либо читала. И в этом романе, наконец-то, был самый счастливый хэппи-энд.



Они шли по главной аллее парка, и Агата чувствовала, как каждый шаг отдаётся в груди тихим, ровным счастьем — тем

самым, которое не кричит, а просто живёт где-то под рёбрами, тёплое и надёжное, как свет настольной лампы поздним вечером.

Ян шёл рядом, чуть впереди, и его пальцы были переплетены с её. Его ладонь — тёплая, чуть шершавая от работы с карандашом и линейкой, с коротко остриженными ногтями — обнимала её кисть так уверенно и естественно, будто они держались за руки не первый месяц, а целую вечность.

— Ты опять думаешь о чём-то книжном, — не оборачиваясь, констатировал Ян. Его голос был ленивым, расслабленным, с той самой хрипотцой, которая появлялась, когда он был совершенно счастлив.

— Я думаю о том, — Агата легонько пнула носком белого кеда упавший каштан, — что в любом романе, который я читала, героиня на этом этапе уже должна была споткнуться, упасть в объятия героя и произнести что-то невероятно пафосное. А я просто иду и хочу мороженое.

Ян рассмеялся — тем самым низким, бархатным смехом, от которого у неё каждый раз мурашки бежали по предплечьям. Он остановился, повернулся к ней и, не разжимая рук, чуть наклонился, заглядывая в глаза.

— Мороженое будет. Но сначала — прогулка. У меня есть план.

— У тебя всегда есть план, — фыркнула она, но беззлобно.

— Оскорбительно, — он прижал руку к груди, изображая

раненое достоинство, но глаза его смеялись. — Я предпочитаю слово «проект». И да, сегодняшний вечер — это проект.

— И без единой книги в радиусе поражения? — подхватила Агата, вскидывая бровь.

— Книга будет, — он мягко коснулся кончиком пальца её носа. — Одна. Та, что ты сейчас читаешь. Но она подождёт. А пока — ты, я и три километра парковых дорожек.

Они двинулись дальше, свернув с главной аллеи на узкую тропинку, утопающую в зарослях сирени и жасмина. Здесь было тише. Шум города — гудки машин, обрывки музыки из летних террас, крики детей у фонтана — отступил, сменившись стрекотом цикад, шелестом листвы и далёким, мерным плеском воды где-то за живой изгородью.

Агата шла и чувствовала, как плечи, которые она неосознанно держала напряжёнными весь день, медленно опускаются. Рядом с Яном не нужно было ничего доказывать. Не нужно было быть «спонтанной и живой», как требовал Денис. Не нужно было притворяться, что ей интересны вечеринки, коктейли и пустые разговоры ни о чём. Она могла просто быть собой — девушкой, которая вчера до трёх ночи читала Брэдбери и плакала над рассказом про одуванчиковое вино, а утром полчаса выбирала, какое платье надеть, чтобы выглядеть «элегантно, но не слишком».

— О чём задумалась? — Ян чуть сжал её пальцы, возвращая в реальность.

— О том, что месяц назад я сидела на диване и ревела из-

за того, что какой-то идиот назвал меня занудой, — честно ответила она. — А сейчас я иду по парку с самым красивым мужчиной, которого когда-либо видела, и мне хочется мороженое. Контраст, знаешь ли, кинематографический.

Ян остановился. Резко, так что Агата по инерции шагнула вперёд и уткнулась ему в грудь. Он обхватил её лицо ладонями — большими, тёплыми, пахнущими кофе и чем-то древесным, — и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был серьёзным, почти строгим, но на дне зрачков плясали те самые тёплые, золотистые искры.

— Повтори, что ты сказала. Первое предложение.

— Что я сидела и ревела? — растерялась Агата.

— Нет. Дальше. «Самый красивый мужчина».

Она почувствовала, как жар разливается от шеи к щекам, к кончикам ушей. Попыталась отвести взгляд, но его пальцы мягко, но настойчиво вернули её лицо к себе.

Агата подняла подбородок, глядя на него снизу вверх. Солнце било ему в спину, и его тёмные волосы светились по краям, как нимб. Тени от листвы ложились на его скулы, на переносицу, на чуть приоткрытые губы. Он был красив. Не той глянцевой, холодной красотой, которую показывают в журналах, а живой, тёплой, настоящей. С морщинками у глаз, которые появлялись, когда он смеялся. С маленькой родинкой на шее, которую она любила целовать. С тем, как он чуть прищуривался, глядя на неё, будто видел насквозь каждую мысль.

— Ты красивый, как главный герой книги, которую я не хочу заканчивать, — тихо сказала она.

Ян замер. А потом наклонился и поцеловал её — коротко, нежно, в самый кончик носа. Потом в лоб. Потом в висок. А потом в губы — мягко, не торопясь, смакуя, как смакуют первый глоток горячего чая морозным вечером. Агата прикрыла глаза, обвивая его шею руками, и на секунду весь парк исчез. Остались только его губы, его дыхание на её щеке, запах сандала и кофе, и тёплая ладонь на её талии.

Когда они отстранились, Ян хрипло произнёс:

— Мороженое. Срочно. Иначе я сейчас брошу все планы и поцелую тебя ещё раз. А у нас ещё колесо обозрения.

Агата моргнула.

— Какое колесо обозрения?

— То самое, — он кивнул куда-то вперёд, за деревья. — Которое видно с любого конца парка. Которое ты, по словам Лив, хотела посетить ещё в пятнадцать лет, но так и не собралась. Считай, что я закрываю твой гештальт.

— Ян, мне восемнадцать, а не пять. Я не...

— Агата, — перебил он мягко, — я видел, как ты вчера полчаса гуглила «самые высокие колёса обозрения в мире».

Она открыла рот, закрыла. Снова открыла.

— Это было... исследовательское любопытство.

— Конечно, — он рассмеялся, переплетая их пальцы снова. — Пойдём, исследовательница. Фисташковое или клубничное?

Мороженое они ели, сидя на нагретой солнцем скамейке у небольшого пруда. Агата — фисташковое, в вафельном рожке, которое таяло быстрее, чем она успевала его слизывать, и Ян то и дело стирал салфеткой зелёные капли с её подбородка, комментируя: «Эстетичный кадр не удался, интеллектуальный вайб уничтожен фисташками». Она в ответ мазнула его по носу клубничным и рассмеялась, когда он с притворным ужасом отшатнулся, а потом всё-таки облизал палец.

Потом они кормили уток на пруду. Агата бросала кусочки булки, а Ян снимал это на телефон, комментируя за кадром голосом документалиста: «В естественной среде обитания замечена редкая особь — книжная девушка в мятном платье, пытающаяся установить дипломатические отношения с водоплавающими. Внимание, утка проявляет интерес. Переговоры прошли успешно». Агата кинула в него кусочком хлеба, но он увернулся, не переставая снимать.

Они прошли мимо летней эстрады, где какой-то уличный музыкант играл на гитаре старую мелодию. Агата невольно замедлила шаг, и Ян, заметив это, остановился.

— Нравится?

— Очень, — она прислушалась, закрывая глаза. — Это... кажется, что-то из шестидесятых.

Ян молча достал из кармана телефон, что-то набрал и протянул ей наушник. Из динамика полилась та же мелодия — мягкая, обволакивающая, с лёгким потрескиванием винила.

— Нашёл, — просто сказал он. — Чтобы не только у пруду

да.

Она взяла наушник, их пальцы на секунду соприкоснулись, и Агата почувствовала, как в груди разливается что-то тёплое, тягучее, как мёд. Они пошли дальше, деля один наушник на двоих, и музыка заполняла тишину между ними, делая каждый шаг чуть более значимым, чуть более кинематографичным.

Они миновали детскую площадку, где Ян вдруг остановился у старого деревянного лабиринта и задумчиво провёл ладонью по шершавым доскам.

— Знаешь, я в детстве мечтал построить что-то такое, — сказал он, глядя на конструкцию. — Не дом, не мост. А лабиринт. Чтобы люди заходили и не хотели выходить. Чтобы внутри были скамейки, фонари, может, маленькая библиотека. Место, где можно потеряться и не бояться.

Агата посмотрела на него — на то, как он чуть прищурился, разглядывая доски, как его пальцы непроизвольно чертили в воздухе линии и углы, будто он уже видел на месте старого лабиринта что-то новое, своё.

— Ты построишь, — тихо сказала она. — Я верю.

Он повернулся, и его взгляд смягчился до невозможности.

— Ты всегда так говоришь. Будто это уже решённый факт.

— Потому что это решённый факт, — она пожала плечами, будто это было очевиднее законов термодинамики. — Ты же Ян. Ты строишь. Это твоя суть.

Он долго смотрел на неё. А потом обнял — крепко, обеими руками, прижимая к себе так, что она уткнулась носом в его грудь, в тёплую льняную рубашку, пахнущую солнцем и его парфюмом. Его подбородок лёг на её макушку, и она услышала, как он тихо, в самые волосы, произнёс:

— Спасибо, Агата. За то, что веришь. Даже когда я сам сомневаюсь.

Она обняла его в ответ, чувствуя, как его сердце бьётся ровно и сильно под тонкой тканью. И подумала, что вот это — настоящее. Не книжное, не выдуманное. Живое, тёплое, пахнущее мороженым и летней пылью.

Колесо обозрения они увидели издалека — огромное, с белыми спицами и красными кабинками, медленно вращающееся на фоне золотеющего неба. Вокруг толпились семьи с детьми, парочки, компании подростков с сахарной ватой. Пахло карамелью, жареными орехами и нагретым металлом.

Агата остановилась в нескольких метрах от кассы и вдруг почувствовала, как внутри шевельнулось что-то давно забытое. Ей пятнадцать. Лив тащит её за руку: «Агат, ну давай, один разок, я боюсь одна!» А она стоит у подножия и мотает головой: «Нет, Лив, я боюсь высоты. И вообще, у меня ещё физика не сделана». И они уходят. И колесо остаётся позади, неслучившееся, недожитое.

— Эй, — Ян мягко коснулся её локтя, возвращая в настоящее. — Ты в порядке? Ты вдруг замерла.

— Я просто... — Агата сглотнула. — Я тут ни разу не бы-

ла. В пятнадцать лет Лив звала, а я отказалась. Сказала, что боюсь. А потом... потом уже не было повода. Не с кем было.

Ян посмотрел на неё. Без жалости, без снисхождения. Просто внимательно, как смотрят на хрупкую, ценную вещь, которую хочется беречь.

— Значит, сейчас будет первый раз, — сказал он просто. — Со мной. И ты не обязана быть храброй. Если станет страшно — я буду рядом. А если захочешь выйти на середине — мы выйдем. Без вопросов.

Агата почувствовала, как ком в горле рассасывается, уступая место чему-то светлому. Она кивнула.

— Я хочу. С тобой.

Они купили билеты — две кабинки, потому что Ян настоял: «Если ты будешь бояться, я хочу держать тебя за обе руки, а не сидеть напротив». Агата закатила глаза, но не стала спорить.

Кабинка оказалась тесной, но уютной — две скамейки друг напротив друга, обитые потёртым дерматином, маленькое окошко с мутноватым стеклом и скрипучая дверца. Ян сел первым, протягивая ей руку. Агата вложила ладонь в его и шагнула внутрь, чувствуя, как пол качнулся под ногами.

— Всё хорошо? — он сразу сжал её пальцы.

— Всё хорошо, — выдохнула она, садясь напротив. Её колени почти касались его коленей. В тесном пространстве кабинки он был очень близко — так близко, что она видела каждую ресницу, каждую веснушку на переносице, крошеч-

ный шрам над бровью, который он получил, упав с велосипеда в двенадцать лет.

Дверца захлопнулась, и колесо дрогнуло. Агата невольно вцепилась в сиденье.

— Эй, — Ян подался вперёд, накрывая её руки своими.
— Смотри на меня. Не вниз. На меня.

Она подняла глаза. Его взгляд был спокойным, уверенным, тёплым. Как якорь. Как точка опоры в задаче по физике, которую он когда-то рисовал на салфетках.

— Помнишь, ты мне объяснял центростремительное ускорение? — вдруг спросила она, и голос дрогнул, но уже не от страха.

— Помню, — он улыбнулся. — Ты тогда сказала, что это «бессмысленная попытка цифрами».

— А ты сказал, что это просто мир держит тебя за руку, чтобы ты не улетела, — Агата невольно улыбнулась в ответ.
— Что колесо — это не падение, а объятие. Что центр всегда рядом, даже если ты на самом краю.

Ян замер. Его пальцы чуть крепче сжали её ладони.

— Ты помнишь, — тихо произнёс он. Не вопрос. Утверждение.

— Я всё помню, — прошептала Агата. — Каждую задачу. Каждую салфетку. Каждый раз, когда ты говорил: «Смотри, Агата, это не сложно. Просто представь, что сила — это чья-то рука». Я помню всё.

Колесо медленно поднималось. Кабинка качнулась,

скрипнула, и пол внизу начал отдаляться. Агата почувствовала, как желудок сжался, и невольно сжала пальцы Яна до побеления костяшек.

— Я здесь, — тут же сказал он. Его голос был ровным, спокойным, как будто они не висели в двадцати метрах над землёй, а сидели на кухне за чаем. — Дыши. Вдох. Выдох. Смотри на меня.

Она вдохнула. Выдохнула. Посмотрела. Его глаза были прямо перед ней — тёмные, тёплые, бесконечно терпеливые. И страх отступил. Не исчез полностью, но перестал быть главным. Потому что главным был он. Его руки, его голос, его запах.

Колесо поднималось. Медленно, величественно, с лёгким поскрипыванием металла. За стеклом кабинки город раскрывался, как книга — страница за страницей. Внизу остались крыши аттракционов, крошечные фигурки людей, зелёные кроны деревьев, похожие сверху на брокколи. Дальше — крыши домов, серебристая лента реки, шпиль собора, тонущий в закатном золоте. Небо было огромным, бескрайним, розово-оранжевым, с первыми бледными звёздами, проступающими на самом краю горизонта.

Агата смотрела вниз и чувствовала, как страх окончательно растворяется, уступая место восхищению. Город лежал перед ней, как раскрытая ладонь. Маленький, хрупкий, живой. Она видела парк, из которого они пришли, — тёмное пятно зелени с серебристыми нитками аллей. Видела пруд, в

котором кормили уток. Видела далёкую крышу её дома, где на полках стояли сотни книг и где месяц назад она плакала из-за чужой жестокости.

— Красиво, — выдохнула она, не отрывая взгляда от горизонта.

— Красиво, — эхом отозвался Ян. Но она почувствовала, что он смотрит не на город. На неё.

Она повернулась. Он сидел, чуть подавшись вперёд, и смотрел на неё с тем самым выражением, которое она видела в его глазах уже месяц — с нежностью, с восхищением, с тихой, глубокой благодарностью. Солнечный свет лился через стекло кабинки, окрашивая его лицо в тёплый янтарь, и в его тёмных волосах путались золотые нити.

— Что? — смущённо спросила она.

— Ничего, — он покачал головой, улыбаясь. — Просто... я три года смотрел на тебя издалека. Через стол на кухне. Через экран телефона, когда ты не отвечала на сообщения. Через фотографии в альбоме Лив. А сейчас ты здесь. Рядом. На высоте птичьего полёта. И ты не прячешься.

Агата почувствовала, как к горлу подступает знакомый ком. Но это были не слёзы обиды. Это было что-то другое — огромное, светлое, распирающее изнутри.

— Я больше не хочу прятаться, — сказала она. И голос не дрогнул. — Я три года пряталась. Хватит.

Колесо достигло верхней точки. Кабинка замерла, и мир вокруг стал бесконечным. Город лежал внизу, как на ладони.

Небо было так близко, что, казалось, протяни руку — и коснёшься облаков. Ветер на высоте был прохладным, живым, он трепал волосы Агаты и забирался под воротник её платья, но ей не было холодно. Потому что Ян был рядом.

Он пересел на её сторону скамейки — тесно, колено к колену, плечо к плечу. Обнял её за плечи, притягивая к себе, и она уткнулась головой в его шею, чувствуя губами пульсацию жилки, тёплую кожу, запах его парфюма.

— Знаешь, о чём я думаю? — тихо сказал он, касаясь губами её макушки.

— О чём?

— О том, что в пятнадцать лет ты не пошла на колесо, потому что боялась. А сейчас ты здесь, потому что доверяешь. И это... это лучшее, что ты мне когда-либо дарила.

Агата подняла голову. Посмотрела на него. Его лицо было совсем близко — в полуметре, в тридцати сантиметрах, в одном вздохе. Она видела, как закатный свет играет в его зрачках, как чуть подрагивают ресницы, как на губах залегла мягкая, чуть растерянная улыбка.

Она потянулась к нему сама. Не торопясь. Не для камеры. Не для кого-то. Для себя. Для него. Для тех трёх лет, когда она смотрела на него из-за учебника и боялась поднять глаза. Для всех вечеров, когда она засыпала, думая о нём, и просыпалась, стыдясь этих мыслей. Для того момента в кафе, когда он перехватил её руку и притянул к себе, и мир перевернулся.

Её губы коснулись его — легко, невесомо, как касаются страниц книги, которую боишься помять. Он замер на секунду, а потом ответил — мягко, медленно, обнимая её лицо ладонями. Его пальцы зарылись в её волосы, на затылок, и поцелуй стал глубже, теплее, увереннее. Агата обвила его шею руками, чувствуя, как колесо покачивается под ними, как ветер треплет ткань его рубашки, как внизу, в тридцати метрах, живёт своей жизнью чужой город, а здесь, в этой тесной кабинке, существует только их маленький, замкнутый мир.

Когда они отстранились, Агата дышала тяжело, и её губы горели. Ян смотрел на неё, и в его глазах было столько нежности, что ей захотелось заплакать. Но не от боли. От полноты. От того, что в груди стало слишком много счастья и оно рвалось наружу.

— Я люблю тебя, — сказала она. Тихо. Просто. Без пафоса и книжных метафор. Просто три слова, которые она боялась произнести три года.

Ян закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. А когда открыл — они блестели.

— Три года, Агата, — его голос был хриплым, надломленным. — Три года я ждал, чтобы услышать это от тебя. Не в шутку. Не в переписке. А вот так. В глаза. На высоте птичьего полёта.

— Ну, ты же архитектор, — она шмыгнула носом, улыбаясь сквозь влажные ресницы. — Ты любишь, когда всё по

плану. Фундамент, стены, крыша. Вот. Крыша. Самая верхняя точка.

Он рассмеялся. Тихо, с облегчением, прижимая её к себе так крепко, что она почувствовала каждый удар его сердца.

— Самая верхняя точка, — повторил он. — Да. Мне нравится.

Колесо дрогнуло и начало медленно опускаться. Кабинка качнулась, и Агата невольно вцепилась в его руку, но страха уже не было. Была только лёгкая, щекотная невесомость и тепло его ладони.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели, как город поднимается навстречу. Как приближаются кроны деревьев, крыши, фигурки людей. Как солнце садится за горизонт, оставляя на небе длинные мазки алого и лилового. Как загораются первые фонари вдоль аллей, превращая парк в светящуюся сказку.

Колесо остановилось. Дверца кабинки скрипнула, впуская внутрь тёплый августовский воздух, пахнувший карамелью и нагретым асфальтом. Ян первым шагнул наружу, оборачиваясь и протягивая ей руку. Агата вложила ладонь в его и шагнула на твёрдую землю, чувствуя, как ноги чуть подкашиваются — не от высоты, а от счастья.

— Ну как? — спросил он, обнимая её за талию. — Стоило того?

Агата посмотрела на колесо — огромное, белое, медленно вращающееся на фоне потемневшего неба. На огоньки,

загорающиеся вдоль его спиц. На далёкую точку на самом верху, где пятнадцать минут назад она перестала бояться.

— Стоило, — сказала она. — Каждого дня ожидания.

Он поцеловал её в висок. И они пошли дальше по аллее, навстречу зажигающимся фонарям, навстречу вечеру, навстречу всему, что было впереди. Рука в руке. Без страха. Без книг, за которыми можно спрятаться. Без трёх лет молчания.

Просто они. Просто вместе. Просто живые и настоящие, как самая лучшая, самая честная история, которую Агата когда-либо читала.

И она знала — нет, чувствовала каждой клеточкой, — что эта история не закончится. Что впереди ещё сотни страниц. Ещё тысячи прогулок, поцелуев, споров о том, кто сегодня моет посуду, и тихих вечеров, когда он будет чертить, а она — читать, сидя рядом, на одном диване, касаясь его плечом.

И это было лучше любой книги. Лучше любого выдуманного мира. Потому что это было их.



A. Vlah

Двенадцать лет рядом

Lola Albright — A Man, a Man, a Man

— Черт! Я так хочу поехать на Финский, а пока, увы, не могу, — жаловалась Арина, нервно расхаживая по своей комнате. Телефон был включен на громкую связь, и оттуда доносилось шуршание спортивной сумки.

— Ну что могу сказать... топай пешком, — раздался язвительный голос Ильи. — Шаги — полезное дело, кардионагрузка.

— Сволочь ты, Илюшенька, — Арина упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. — У меня тут самое настоящее женское горе, мечта разбивается о суровую реальность, а ты тут эгоиста строишь!

— В отличие от некоторых, я хотя бы не жалуюсь на отсутствие денег, а иду качаться, чтобы их зарабатывать, — усмехнулся друг, и по звуку было понятно, что он застегивает молнию на рюкзаке.

— И как я за двенадцать лет дружбы не поняла, что ты черствая бессердечная сволочь, — посмеялась Арина, уже не так искренне, но все еще дуясь на его прагматичность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.